

Знала ли Лили Поттер? Знала ли она, что её отчаянный эксперимент спасёт жизнь её сына, но при этом превратит его в нечто... сломанное? Может, Грязнокровка и родилась испорченным существом, но невозможно было отрицать силу ее крови и ее магии - ингредиентов того хитроумного заклинания, которое она создала в своей дерзкой попытке спасти семью.

Пусть никто и никогда не скажет, что Лорд Волан-де-Морт не отдает должное, ведь в этой безмолвной тюрьме, в темных пределах сознания маленького ребенка, ему оставалось только вспоминать, анализировать и понимать - и он должен был признать, что из всех его врагов Лили Поттер была самым опасным. Она должна была быть грозной ведьмой, а он недооценил ее. Возможно, это была самая большая ошибка в его жизни.

Ошибиться было легко. Он слышал о ней вскользь - но то, что он слышал о блестящей молодой грязнокровке, которая уже опубликовала свою первую научную работу в нежном возрасте 19 лет, легко затмевалось большой тенью, отбрасываемой ее мужем, дерзким аврором-стажером Джеймсом Поттером. Нет, большую часть того, что он знал об этой девушке, Северус получал из обычных мыслей. Милая Лили Эванс. Северус так высоко о ней думал - он считал ее святой, цветком белой лилии, незапятнанной миром. Как же он ошибался. Он задавался вопросом, догадывается ли Северус, что его подруга детства способна ставить эксперименты над душой собственного сына в отчаянной попытке спасти ему жизнь.

Ведь именно так она и поступила. Нельзя превратить в крестраж любой предмет - нужно провести ритуалы, принести кровавые жертвы - на это требовалось время и усилия. В конце концов, если бы это было легко, все бы так делали. Ну, может, и нет, но все же - не зря он был единственным волшебником, создавшим крестраж за многие века. Возможно, его душа и была хрупкой после создания пяти крестражей, но не было никакой возможности, чтобы грубая магия вроде проклятия Авады Кедавра смогла выполнить тонкое искусство расщепления души и разделения на части, и не было никакой возможности, чтобы тело младенца излучало достаточно силы, чтобы закрепить одну из этих частей без какой-либо подготовки. Нет, душа мальчика должна была быть изменена с самого начала, искажена редчайшей магией. Он тоже сталкивался с этим - шепот о магии, еще более странной, чем Крестраж, способной изгибать душу, делать ее мягкой, твердой, податливой или хрупкой. Каким-то образом рыжеволосой Грязнокровке это удалось, и единственным доказательством тому были мощные нити её магии, которые он обнаружил спящими в щелях между душой Гарри и своей.

Это была древняя и запретная магия - её безграничная преданность сыну, несомненно, послужила толчком к впечатляющему подвигу превращения его души в плотную, мутантную сущность, которой она теперь являлась, а её смерть стала последней печатью; её собственная жизнь, магия и душа охватили его и закрепили. В результате массивная, яркая душа неестественно слилась с земной формой мальчика, изломанная его убийственным проклятием, но все же в основном целая. Потребуется время, чтобы полностью понять степень магии Лили Поттер, а пока он мог лишь строить догадки и наблюдать за проявлением симптомов, ибо они обязательно будут. Душа была неразрывно связана с магией и разумом, а разум переплетался с телом через, пожалуй, самый хрупкий человеческий орган - мозг. А мозг так легко изменить, причем с катастрофическими последствиями. Он не был дураком и понимал, что пожертвовал некоторой устойчивостью психики ради страховки, которую обеспечивали его крестражи. Но Гарри Поттер - он будет расти и развиваться под воздействием чужеродной, мутантной магии, просачивающейся в его разум, искажающей его мысли и поляризующей его эмоции. Его навсегда изменили бы совместные махинации его матери и потенциального убийцы, и он,

несомненно, страдал бы от этого.

Если бы только Лили Поттер знала, какое чудовище она создала. Возможно, было бы добрее позволить мальчику умереть.

Сначала у него был план. Он высасывал из мальчика магию (которой, похоже, было предостаточно), пока не стал достаточно сильным, чтобы вступить с ним в контакт, и когда настанет подходящий момент, он прошепчет в уши маленького Гарри Поттера слова, которые сформируют то, кем он станет, - слова, которые превратят его в идеальный сосуд для Лорда Волан-де-Морта.

Это не должно было быть трудно. Мальчик был невинен - гораздо более невинен, чем должен был быть. У него не было чувства собственной значимости, не было никого, кто мог бы направить его; он был никем, маленьким испуганным мальчиком, который был счастлив, живя жизнью, которая ему не принадлежала. Том Риддл. Как бы он ни презирал маленького монстра, которым когда-то был, он понимал, что принять то, что осталось от его молодого «я», было ему на пользу - Гарри уже сочувствовал Тому; он уже знал, что Том страдал так же, как и он, но преодолел свои страдания. Поэтому, как бы это его ни раздражало, он представится Томом Риддлом. И потихоньку Том будет лепить из впечатлительного и, скорее всего, неуравновешенного Гарри Поттера свой образ, вести его по тому же пути, который прошел он сам, пока мальчик не станет практически неотличим от него. Тогда он слил бы их души воедино и забрал бы тело и магию мальчика себе. Душа-хозяин, несомненно, будет искать его, и как только он соединит их всех вместе - Гарри Поттера, его самого и душу-хозяина Лорда Волан-де-Морта, - Темный Лорд возродится.

Это было безумие - смотреть, как мальчик принимает удары за ударами, оскорбления за оскорблениями. Он чувствовал каждый пинок, каждый удар, каждую слезинку, скатившуюся по щеке Гарри Поттера. Впервые в жизни он испытал, пусть и косвенно, чувство вины и стыда, а хуже всего - отчаянное желание стать лучше, быть хорошим человеком. Никогда прежде он не знал боли, не то что сейчас. Мальчик топил его в чувствах, страхе и хаосе.

<http://tl.rulate.ru/book/126714/5321563>